

Наши люди

Euroopa Liit

Integratsiooni
Sihtasutus

KULTUURIMINISTEERIUM

ИЗДАНИЕ ПОЛОСЫ ПОДДЕРЖИВАЮТ ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОНД ИНТЕГРАЦИИ ГРАЖДАН ТРЕТЬИХ СТРАН, МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ФОНД ИНТЕГРАЦИИ

РОЗАЛИЕ ИЛЬВЕС: *У меня хватило сил и характера, чтобы самой справиться*

Из России - в Эстонию, где никто не ждал

"Теперь я что хочешь построила бы или сделала", - пожилая дама Розалие, улыбаясь, делает последнюю попытку заставить журналистку отказаться от мысли написать о ней. То, что она в минувшую субботу отметила 90-летний юбилей, по мнению этой энергичной женщины, вовсе не основание, чтобы попасть на газетные страницы.

Тийа ЛИННАРД
tia@pohjarannik.ee

- Госпожа Розалие, согласитесь со мной: 90-летний человек, без посторонней помощи справляющийся в своей жизни, уже само по себе - отдельное явление. Тем более, если это, к тому же, такая бойкая и проницательная женщина. Моложавая - звучит относительно 90-летия, правда, странно, но Бога ради - скажите о вас иначе был бы грех.

- Душа у меня - да, такая, но сердце уже 32 года как выбилось из ритма, и стону часто, когда боли одолевают. Но ум у меня все же еще есть. *(Смеется.)* Когда утром встаю, приходится искать помощи у края кровати и стен, но затем начинаю делать гимнастику - и снова могу двигаться.

- Вы делаете гимнастику?
- Каждое утро, и так уже годы. Практически всю жизнь. Упражнения на гибкость, взмахи - разные упражнения делаю. И точечный массаж... Да что я только не делаю. В прессе и книгах вычитала, что на ладони есть разные места, массажные которых смягчает всякие хвори. *(Розалие хватает мою руку и подробно и наглядно объясняет, куда надо нажимать в случае сердечных болей, куда - если начинается шуметь в голове, куда - для улучшения пищеварения.)* Двадцать раз надо эти места помять, и довольно сильно. Я по ним каждый день разок прохожусь, иногда, если самочувствие похуже, - и несколько раз. Если больше ничего не помогает, лишь тогда вызываю "Скорую"... И дыхательные упражнения делаю. Вдыхаю глубоко, затем махом выдыхаю. Я этим упражнениям и своего зятя научила.

- Вы учите и тех, кто вас моложе и здоровее?

- Кого ж еще учить? Старше меня и нет ведь. *(И Розалие разражается звонким смехом.)*

- Кто у вас ходит в магазин? Патронажная сестра, назначенная соцопекой?

- Нет, все же сама. Одна дочка у меня живет в Тарту, другая - в Йыхви, она тоже помогает. А если самочувствие получше, то и сама потихоньку выползаю. Магазин здесь близко. Сегодня ходила даже на рынок. *(Смотрит на часы.)* Много-таки времени у меня ушло... Почти три часа. Пройду немножко, посижу, если скамейка попадется. Отдохну и иду дальше. Сегодня было так хорошо, погода теплая. Ку-

пила на рынке копченую рыбу, наелась дома и запила пахтой - много ли старому человеку надо...

- Мне известно, что вы своих дочерей в одиночку воспитывали.

- У них разница в возрасте 22 года, они родились от разных браков. Первой дочери было два месяца, когда муж ушел на войну, второй - год десять месяцев, когда мы развелись. Я родила в 43 года. Малышка то и дело болела воспалением легких - и муж ругался, что я не умею заботиться о ребенке. Он ругался все же очень ужасными словами... Когда дочке было полтора года, она снова заболела воспалением легких, ее отвезли в больницу. Родителей тогда не пускали, но я так жутко плакала, что в конце концов мне разрешили. Мне сказали, что правое легкое ребенка черное и его надо оперировать, но придется ехать в Ленинград, поскольку на месте этого сделать не смогут. А там была очередь на полтора года! Ребенок раньше умрет!.. Помощь подоспела от нашего участкового врача, который учился у того профессора, который должен был оперировать ребенка. Благодаря этому нас и взяли пораньше. Но в Ленинграде потребовалось все же четыре месяца, поскольку, когда день операции был назначен, у дочки снова поднялась высокая температура - и операцию пришлось отложить. Первый месяц меня к ней не пускали, потом все же разрешили, поскольку ребенок уже начал меня чуждаться. Каждые выходные ездила в Ленинград. Когда ее наконец-то повезли на операцию, я сидела в фойе перед часами, и у меня было чувство, что каждый бой часов ударяет меня по голове. Это время ожидания было ужасным. Я подумала со страхом, что вот-вот врач придет и скажет, что дочка умерла. Но все прошло хорошо - операция завершилась удачно. Выяснилось, что это был не врожденный порок, а в результате моего падения во время беременности у дочки возникло положение, при котором печень поджала легкое и не давала ей как следует дышать. Когда наконец я попала к дочери и увидела ее еще под наркозом, сама упала, поскольку напряжение было такое большое...

Домой дочка вернулась, когда ей было уже год десять месяцев. За это время она из эстонской девочки превратилась в русскую девочку - и доктор стала для нее как мама. Когда мы выписывались из больницы, дочка стучала но-

ками, махала ручками и страшно кричала, а врач плакала на лестнице.

Дочь уже училась в школе, когда однажды пришла ко мне и спросила, на самом ли деле я ее родная мама. Мол, она помнит, что когда-то раньше у нее была другая мама. Этот болезненный период она все же еще помнила, хотя очень смутно.

А с мужем мы развелись после операции дочки, когда я вернулась домой, а его там не оказалось. Только утром часов в пять явился, в костюме с иголочки. Это было очень больно. Я тогда сказала ему: мол, ребенок чуть ли не при смерти, а ты все никак не навеселишься. Он снова меня оскорбил и пригрозил убить - сказал, что от меня останется только мокрое место. Я три дня была от этого в таком шоке, что не вставала с кровати.

Теперь у моей доченьки у самой четверо детей. Она учительница музыки.

- У вас очень хорошая память, вы слышите без слухового аппарата, вы читаете газеты...

- Летом при дневном свете мне для чтения газеты и очки не были нужны, но все же без них не обойтись. А на память пожаловаться не могу, только имена иногда забываю. Иногда думаю по несколько месяцев, а какое-нибудь имя не приходит на память, и все тут. Зато на цифры у меня хорошая память - я ведь всю жизнь работала бухгалтером. Телефонные номера всех знакомых помню наизусть. Более 30-ти телефонных номеров!

- Да что вы говорите!

- Да, и банковские коды тоже в голове. На память не могу пожаловаться, лишь бы здоровья хватало. В последний раз, когда сердце снова забарахлило, вызвала семейного врача и попросила направить меня в больницу на лечение. Она ответила на это, мол, *не советское время*, взяла 50 крон платы за визит и ушла. А когда вызвала "неотложку", то мне попеняли, почему я семейного врача не вызываю. Как-то один работник "Скорой помощи" так на меня кричал, что я сказала наконец: *вам бы только плотником работать, а не врачом.*

- Вы говорите очень хорошо по-русски...

- Я родилась в России, куда еще мой дед уехал в 1908 году, чтобы землю получить. Однако русский язык я там не выучила. Только в Эстонии им овладела. Мы жили в Томской области в эстонской деревне - деревне Казе, где было 120 дворов. Там имела эстонская средняя школа, свой духовой оркестр, струнный оркестр, драмкружок, хоровые коллективы. Мне было десять лет, когда начали создавать колхозы. Однако в 1937 году всех наших хороших учителей арестовали и расстреляли. Ну чего такого плохого они

Розалие, выросшая в России, в эстонской деревне со 120 дворами, выучила русский язык только в Эстонии. Матти КЯМЯРЯ

делали! *(На глаза женщины наворачиваются слезы.)* Они не учили нас ничему плохому, это были замечательные люди. Нам всем их очень не хватало, жизнь в деревне после этого как будто умерла - тихо стало, как на кладбище. Это было жуткое время.

Моей маме было шесть лет, когда она с родителями стала жить в Томской области. И мой дочке было шесть лет, когда она из России в Эстонию приехала.

- Почему вы приехали в Эстонию?

- В нашей деревне было много людей, родившихся в Эстонии, и они говорили все же о возвращении в Эстонию и звали с собой. Мне было 25 лет, когда во время Рождества я упаковала свои чемоданы. В Эстонию попали лишь в феврале. Весь путь проделали в вагонах-теплушках, которые тогда цепляли в хвост поезда, а затем снова отцепляли, так что приходилось подолгу ждать. В конце концов все мы завшивели в этих вагонах.

- Как вам удалось уехать? В России тогда уже были кол-

хозы, в деревнях людям даже их паспорта не отдавали.

- Для этого пришлось немного схитрить. Мне помог один мужчина родом с Сааремаа, он согласился заключить со мной фиктивный брак, чтобы также меня в Эстонию пустили. Я не помню его имени, но он был замечательный человек, на войне лишился одной руки. После он еще писал мне, что у него в Эстонии все в порядке и что жена его дождалась.

- Было вам в Эстонии вообще куда пойти? Ждал ли вас кто-то из знакомых, родственников?

- Вот в том-то и беда, что никого не было. После двухнедельного пребывания в Кивиыли всех распустили, я была с одной женщиной на год моложе меня, и нам вдвоем оказалось некуда идти. Сели на поезд, проехали две станции и сошли в Каарепере. Эта женщина начала плакать: мол, куда мы теперь пойдём?.. Я сказала: ну что ж, раз мы здесь ни жилья, ни работы не найдем, поехали дальше.

Нам помог зять Оскара Лут-

са: подошел к нам и спросил, нужна ли помощь. Он направил нас на хутор Колга, где была очень хорошая хозяйка, уже пожилая женщина, дочь которой сослала в Сибирь. Она приняла нас очень радушно, пусть земля ей будет пухом! *(Слезы благодарности текут по щекам Розалие.)*

Поначалу мы и получили работу на окрестных хуторах. Очень хорошо платили - пуд зерна, или два килограмма шпика, или кило масла в день. Масла у нас было так много, что варили из него мыло. В колхозе давали после лишь 300 граммов.

Позднее работала телефонисткой, затем на мельнице бухгалтером. Потом поехала устраиваться на работу в военкомате в Йыгвемаа. Но там случился прокол. Когда начали проверять мою биографию, меня неожиданно заклеямили женой предателя родины.

Выяснилось, что муж на войне попал в плен к немцам, а я думала, что он погиб. Семь месяцев не пускали меня на работу, пока мы не развелись. Его жизнь продолжалась в Сибире, где он снова женился. Меня хотели и в Эстонии сразу посватать, но я сказала этому мужчине, что ему придется считаться с тем, что у меня ребенок. Он спросил: где же этот ребенок? Ответила, что в Сибире. Он предложил, мол, пусть мой ребенок там и останется. На это я ему сказала, что мне с ним больше не о чем говорить.

Дочке было три с половиной года, когда я приехала в Эстонию. При первой же возможности я и ее сюда привезла.

- Когда вы в последний раз были на своей родине?

- В 1977 году, мама еще была жива. Тогда в деревне проживало еще много эстонцев, теперь их осталось мало. Мама ко мне сюда, в Кохтла-Ярве, тоже приезжала в гости. Еще спрашивала, мол, почему я сюда приехала - Йыгвемаа гораздо более красивое место. А у меня здесь жил двоюродный брат и настойчиво звал сюда. Вот я в 1954 году и приехала. Пять лет работала в бухгалтерии финнодела, потом 20 лет на Ахтмеском комбинате.

- Почему вы снова не вышли замуж? Вдвоем было бы проще.

- Я больше не верила в брак - мне не выпало такого счастья. У меня хватило сил и характера, чтобы самой справиться. Вот и теперь: постенаешь, когда сердечко снова прихватит, полежишь немножко - и потихоньку продолжайешь хлопотать дальше. Так жизнь и идет.

- Госпожа Розалие, ваша внешность всегда такая ухоженная. Это для вас важно?

- Моя мама была такой же, всегда в порядке, *тин-тон*. Я никогда не повязывала платок. С шапочкой или шляпкой совсем другое чувство.